

Зачем пожаловали в его дом, чтобы учинить драку и устроить скандал?

Благодушное настроение Цзи Жаня мгновенно улетучилось, лицо его стало мрачным.

Тётушка Чэнь впервые видела, как Цзи Жань хмурится, и сердце её ёкнуло от страха.

— Барышни сказали, что просто хотят прогуляться, — поспешно затараторила она. — Но на заднем дворе они случайно встретили Цюяо с малышом. Узнав, что он ваш приёмный сын, они... начали оскорблять её. Ругались ужасно грубо. Цюяо попыталась возразить, и... и они подрались.

Услышав, что замешан ребёнок, лица Цзи Жаня и Лу Чжэня исказились. Не дослушав тётку Чэнь, они выскочили из комнаты и устремились во внутренний двор.

Тётушка Чэнь бросилась было за ними, но, сделав несколько шагов, вдруг остановилась. Хозяева уже удалились, и она, не удержавшись от любопытства, отступила назад, заглянув в комнату.

Показалось, или она и вправду слышала, как хозяин громко смеялся за дверью?

Но комната была пуста, и ничего примечательного она не увидела. Пожав плечами, тётка Чэнь припустила вслед за остальными.

Едва достигнув заднего двора, Цзи Жань издали услышал пронзительные женские крики. Подойдя ближе, он увидел, как Цзи Жу и Цзи Юэ таскают Цюяо за волосы и осыпают её пощёчинами. Его лицо почернело, как дно котла. К счастью, ребёнка у неё на руках не было — малыша держал дядя Чэнь.

Ван Гуй и Чжан Пин тоже были тут, но, связанные гостевым статусом сестёр Цзи и тем, что были женщинами, не могли применить силу. Они лишь беспомощно увещевали, стараясь прикрыть собой Цюяо и хоть как-то её защитить.

Однако разъярённые женщины оказались неуправляемы: двое парней не смогли справиться с их «когтями девяти инь», и Цюяо получила несколько крепких ударов.

Крики, долетавшие до Цзи Жаня, были её.

— Немедленно прекратите! — ринувшись вперёд, Цзи Жань оттащил Цзи Жу и грубо оттолкнул её. — Кто вам позволил в моём доме нападать на людей?

— Не так всё, кузен! — Цзи Жу отшатнулась, сделав несколько шагов, прежде чем устоять. Увидев Цзи Жаня, её пыл мгновенно угас, и она, заливаясь слезами, принялась жаловаться. — Это всё та мерзкая служанка...

— Называешь других мерзкими, а сама чем лучше? — ледяным тоном оборвал её Цзи Жань. — Скандалисток у себя я не потерплю. Вон отсюда!

— Ты...

Цзи Жу и Цзи Юэ остолбенели от такого беспощадного окрика. Сколько раз они в прошлом травили этого «бастарда»? И он всегда лишь униженно отступал. А теперь из-за какой-то служанки он гонит их прочь?

— Цзи Гэ! — В этот момент, услышав о происшествии, подоспели Цзи Дачэн и Сюэ Чуньтао. Их

лица помрачнели, едва они услышали, как Цзи Жань распекает их дочерей.

Видя, как они несутся, запыхавшись от гнева, Цзи Жань приготовился к нападению. Однако вместо этого Сюэ Чуньтао отвесила Цзи Жу и Цзи Юэ по звонкой пощёчине.

Хлоп! Хлоп!

От этих звуков воцарилась внезапная тишина.

— Мама?

Сёстры с опозданием осознали происходящее. Прикрыв лица, они уставились на разъярённую мать, не веря своим глазам.

Сюэ Чуньтао бросила на дочерей несколько уничтожающих взглядов, а затем, повернувшись к Цзи Жаню, заулыбалась. Скорость, с которой гнев сменился на милость, была поистине головокружительной.

— Цзи Гэ, наши глупые девчонки повели себя неподобающе, — заговорила она сладким голосом. — Вне зависимости от того, с чего всё началось, гостям негоже затевать ссоры в доме хозяина. Это я их плохо воспитала, обязательно проучу по возвращении. Успокойся, прошу. За все их прегрешения я приношу тебе извинения сама. — Даже получив отпор, Сюэ Чуньтао не смутилась. Наоборот, она слегка обернулась и отчитала дочерей:

— Чего уставились? Быстро извинитесь перед кузеном! Даже если он вас и простит, я с вами не спущу!

Слова её были полны скрытого искусства: внешне она журила дочерей, но на деле использовала свой статус старшей, чтобы оказать давление. Она и отругала их, и отшлёпала, и даже унизилась перед младшим, — а если Цзи Жань теперь не проявит снисхождения, то будет выглядеть чёрствым невежей. Настоящая мастерица интриг и словесных уловок.

Будь на его месте прежний хозяин, она бы, наверное, своего добила. Увы, в этой оболочке пребывал нынешний Цзи Жань.

И если бы он купился на эту уловку, то не был бы собой.

— Тётушка, не стоит, — Цзи Жань сузил глаза, и взгляд его стал острым, как лезвие. — Племянник недостойн такого. Когда Сяоху нагрубил, Сяожу заявила, что братец ещё мал и глуп, — дескать, взрослая и рассудительная барышня. А теперь она сама оскорбляет и избивает моих людей. Неужели тоже «мала и глупа»? Или вы полагаете, что я по-прежнему буду сносить побои и оскорбления, не отвечая?

— Цзи Гэ! — В этот момент с другой стороны подошли Цзи Дачэн и Цзи Сяоху. Услышав слова Цзи Жана, Цзи Дачэн немедленно нахмурился. — Как ты разговариваешь с тётей? Да, ты теперь многого достиг, но разве это повод забывать о почтительности к старшим? Если младшие брат и сёстры провинились, старший брат волен их учить — мы и слова не скажем. Но так обращаться к тёте негоже! Она тебе не родная мать, но столько лет растила! Пусть не было заслуг, так хоть труд был!

— Точно! — Цзи Сяоху, улучив момент, фыркнул и вставил своё. — Некоторые, разбогатев, забывают и корни, и собственную фамилию...

— Заткнись!

Цзи Сяоху не дали договорить. Сюэ Чуньтао и Цзи Дачэн отчитали его хором. Парень разинул рот в полном недоумении: момент был для общей атаки, а он почему-то угодил под раздачу.

— Ты не вправе поучать своего кузена! — Цзи Дачэн уставился на сына. Худощавый и тщедушный с виду крестьянин в гневе обрёл немалую суровость.

— Вы все совершенно распустились! — Сюэ Чуньтао тоже принялась его журить, но тут же мягко обратилась к мужу:

— Дачэн, не кипятись. Цзи Гэ тут ни при чём, это наши девчонки натворили. Он просто разгорячился и наговорил лишнего. Мы же Цзи Гэ с детства знаем, какой он характером. Он мальчик почтительный, не стоит так сурово с ним, не то обидишь ребёнка.

Эта семейная игра в «доброе и злого следователя» была отточена лучше, чем любое театральное представление. Цзи Жань даже не успел ничего сказать, как Лу Чжэнь не выдержал. Мгновенно вселившись в Цзи Дачэна, он отвесил Сюэ Чуньтао две увесистые пощёчины.

От этих ударов женщина шлёпнулась на землю. Лицо её мгновенно распухло и заалело. Она лежала, не в силах подняться.

— Мама!

Трое детей вскрикнули в унисон и бросились её поднимать. Но прежде чем они успели спросить Цзи Дачэна, зачем он ударил мать, тот принялся яростно бить себя по лицу.

— Я не человек!

Хлоп!

— Я, старый, не уважаю себя!

Хлоп! Хлоп!

— Я спекулирую своей старостью!

Хлоп! Хлоп! Хлоп!

— Я не должен обижать младших!

Хлоп! Хлоп! Хлоп! Хлоп!

— Я не должен зариться на чужое богатство!

...

Каждое слово покаяния сопровождалось звонкой оплеухой. Это безумное зрелище ошеломило всех. Сюэ Чуньтао от страха даже забыла плакать и, кинувшись к мужу, попыталась ухватить его за руки.

— Муженёк, что ты делаешь? Хватит! Перестань! Сяоху, чего встал? Помоги отцу, у него уже кровь изо рта! Муженёк, Дачэн, умоляю, прекрати!

Крик матери вывел детей из ступора. Они кинулись помогать, таща и оттягивая отца, но сила Цзи Дачэна словно удесятилась. Как ни старались, удержать его они не могли.

Остальные присутствующие пребывали в полном недоумении, не понимая, как ситуация вывернулась наизнанку. Слуги, которые лишь мгновение назад тревожились за хозяина и готовы были броситься на защиту, теперь наблюдали, как семья рушится изнутри. А это самобичевание... Глядя на исступление мужчины, невольно думалось: не бес ли в него вселился?

Так оно и было.

Остальные не знали, но Цзи Жань видел всё ясно. Решив, что пора заканчивать, он прикрыл рот кулаком и громко, нарочито кашлянул, подавая Лу Чжэню сигнал.

<http://bllate.org/book/16271/1464565>